

УДК 316.472.4+316.624

DOI: 10.37482/2227-6564-V054

ИЗЛУЧЕНКО Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). Автор 39 научных публикаций
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>*

МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РЕЛИГИОЗНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье исследуется конструирование социальной реальности в религиозном экстремизме. Повседневная жизнь экстремистов рассматривается как альтернативная социальная реальность, которая противопоставляется объективной реальности и позиционируется единственно истинной. Методология работы основывается на феноменологической теории П. Бергера о конструировании мира множеством трансцендентальных субъектов. Повседневность экстремистов регулируется установленным в экстремистском сообществе социальным порядком, обеспечивающим специфическими установками, предпочтениями, конвенциями, ценностями и социальным базисом знаний, которые содержатся в их идеологии. Важным научным результатом исследования является характеристика механизмов социального конструирования применительно к экстремистскому мировоззрению. Когнитивные искажения, утверждение личной значимости способствуют положительному восприятию положений идеологии и активному участию в экстремистской деятельности, а бинарная оппозиция «свои – чужие» – поляризации взглядов, ограничению внешних контактов и формированию положительного образа своих (при игнорировании их негативных качеств) и гиперболизации негативных качеств чужих. Идеализация истории и героизация отдельных участников порождают ложные представления о справедливости, возможности создания идеального государственного устройства и мотивируют экстремистов на совершение противоправных действий, в т. ч. с использованием насилия. Модели мышления корректируются в соответствии с идеологией, посредством социальных действий и ритуальных практик конструируются новые паттерны поведения. Противоправному характеру экстремистской деятельности придается статус исполнения воли высших сил, священного долга по установлению всеобщего блага и борьбы с мировым злом. Указанные механизмы свойственны различным видам экстремизма (национального, политического). Религия выступает усиливающим идеологическое содержание элементом, позволяющим экстремистским сообществам проецировать предельные смыслы в объективную реальность, наделяя ее заданным смыслом.

Ключевые слова: социальная реальность, религиозный экстремизм, П. Бергер, экстремистская идеология.

*Адрес: 660041, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 79; e-mail: izluchenko@mail.ru

Для цитирования: Излученко Т.В. Механизмы конструирования социальной реальности в религиозном экстремизме: социально-философский анализ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 5. С. 106–113. DOI: 10.37482/2227-6564-V054

Экстремизм выступает как социокультурный и политический феномен, проявляющийся в организованной деятельности людей, которая создает угрозу стабильности существующему социально-политическому устройству. Экстремисты позиционируют свое представление о мире как истинное и противопоставляют его объективной реальности, воспринимаемой ими ложной и искаженной. Они конструируют альтернативные социальные реальности, отвечающие их интересам, но противоречащие общественным. С этой позиции можно утверждать, что конфликт экстремистов и социума заключается в столкновении двух реальностей повседневной жизни.

Цель работы – выявление и характеристика основных механизмов конструирования социальной реальности экстремизмом на примере религиозных экстремистских сообществ. Несмотря на отмечаемое разнообразие экстремистских сообществ (религиозных, националистических, политических, экономических), преследующих нередко диаметрально противоположные цели, сущностно они представляют собой единообразные структуры и обладают схожими способами функционирования, отличаясь содержанием идеологии. Экстремистские идеологии формируют мировоззренческие установки, характеризующиеся сильной верой в значимое дело, нетерпимостью к конкурирующим убеждениям и готовностью пойти на личные жертвы за свои идеалы [1].

Методология исследования основывается на феноменологической теории П. Бергера, согласно которой множество трансцендентальных субъектов конструирует мир, конституируя и концептуализируя его. Феноменологический анализ позволяет определить аспекты повседневности и различные смысловые структуры сконструированной экстремистами реальности. Особенности их психики и специфика мышления трактуются в рамках когнитивного подхода А. Агнати и А. Круглански с использованием понятия «когнитивные искажения». Анализу подвергаются теории утопии Дж. Кутса, бинарности В. Вальденфельса, ритуалов Х. Уайтхауза и религии П. Бергера.

Процесс социального конструирования продемонстрирован в труде П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания». Важной для нашей работы идеей является то, что люди из разных сообществ реальностью могут считать разное. Их жизнедеятельность организуется повседневностью, которая предоставляет смыслы, определяет потребности и создает социальный порядок. Реальность имеет субъективное значение и интерпретируется в качестве цельного мира. Для каждого индивида существует нормальная повседневность, не противоречащая здравому смыслу и включающая окружение – нейтральное большинство, члены которого также обладают своими повседневностями, и врагов, покушающихся на эту стабильность [2, с. 78–80].

Общество выступает объективно-субъективной реальностью, создаваемой посредством языка (лингвистически обозначенных семантических полей) и функционирующей с помощью схем типизации. Биографический и исторический опыт накапливается выборочно в рамках семантических полей и становится социальным базисом знания, включающим алгоритмы решения повседневных проблем и схемы типизации. Социальный статус и сфера деятельности человека определяются его доступом к тому или иному знанию. Общество приписывает индивиду набор ролей – моделей нормативного поведения – и ожидает от него соответствующих действий и качеств. Поддержание соответствующего субъективного представления о мире происходит посредством коммуникации со значимыми другими. Человек приобщается к сформированному осмысленному опыту (номосу) социума, который наделяет смыслом и упорядочивает его жизнь. Отказ от институализированного социального порядка приравнивается к отказу от бытия, что приводит к аномии и, как следствие, к физической или социальной смерти.

Функционирование общества обеспечивается благодаря социальному порядку – результату общественной деятельности,

взаимообусловленному институализацией, хабиитуализацией (опривычиванием) и легитимацией [3, с. 81–201]. Религия является наиболее эффективным и распространенным инструментом легитимации. Она есть созданная человеком проекция, основанная на специфической инфраструктуре истории, обладающая хорошими (защита от аномии) и плохими (отчуждение от мира) импликациями. Социальная реальность соотносится с предельной реальностью (священным), в которой отсутствуют случайности и человеческие смыслы. Власть позиционируется воплощением священного, через нее проявляется его воля. Религия обеспечивает структуру достоверности, обосновывает и оправдывает социальный порядок, формирует контекст существования [4, с. 172–198].

В тех случаях, когда социальный порядок не отвечает потребностям и интересам, некоторые люди могут придерживаться девиантной версии, которая становится реальностью для них. Создаются соответствующий социальный базис знания, схемы типизации, семантические поля и механизмы поддержания реальности в повседневных и кризисных ситуациях. При вхождении человека в такое сообщество включаются процессы первичной и вторичной социализации, возникают новые значимые другие. Когнитивный и аффективный фокусы перемещаются в новую реальность. Успешная социализация обеспечивается: а) неуспехом человека в изначальном социуме, б) минимальным распределением знаний и в) простым разделением труда [3, с. 255–264]. Сконструированная реальность реальна для человека, но стороннему наблюдателю она будет казаться совершенно невероятной.

Законодательством России под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимаются действия, обозначенные в ст. 1 Федерального закона № 114 от 25.07.2002 года «О противодействии экстремистской деятельности» [5]. Экстремистские проявления воспринимаются обществом как девиации, отклонения от нормативного поведения, причинами которого обозначаются особенности психики,

социальные, политические и экономические факторы. Государство интерпретирует их как угрозу своей стабильности. Ю.Ю. Комлев выразил мнение, что в результате взаимодействия всех участников процесса (экстремистов, правоохранителей, специалистов) происходит социальное конструирование преступления посредством языка и символических представлений [6]. При этом сами экстремисты не воспринимают себя девиантами – для них совокупностью девиантов является общество.

Экстремизм можно рассматривать как состояние, в котором люди поляризуются, противопоставляются социуму и отождествляют себя с определенным идеологическим взглядом на мир [7]. Религиозный экстремизм представляет собой такую разновидность экстремизма, отличительной чертой которого является религиозно-политическая идеология. Экстремистские сообщества конструируют альтернативную реальность в процессе совместной деятельности участников, создавая соответствующий когнитивно-нормативный комплекс. В процессе интернализации субъективный опыт упорядочивается и включается в социальную реальность, а участнику гарантируются стабильность и надежность мира, наделенного «характеристиками (статусом) священного космоса» [8, с. 117]. Ритуальные практики выступают инструментом напоминания и демонстрации социального порядка, ролевых обязанностей, а также включения индивидуального и коллективного опыта в исторический контекст.

Религиозный компонент не только формирует священную цель деятельности, но и способствует интеграции, сохранению и передаче определенного социального базиса знания. Мотивирование участников основывается на идее, что они являются носителями священной воли и непосредственными ее исполнителями. Их жизнь позиционируется как служение священной миссии, этапы этой жизни – как часть священной истории, каждый участник – как значимая личность.

Конструируемый социальный мир предоставляет участникам систему координации для

ориентации в нем и в другой, «ложной», реальности. Однако данная ситуация вызывает проблему совместимости двух реальностей – мира, сконструированного членами сообщества, и мира, в котором пребывают остальные. Сконструированная реальность, как и объективный мир, воспринимается переплетением социальных отношений, систем знаков и символов с соответствующей смысловой структурой, институализированных форм социальной организации, систем статуса и престижа. Разница заключается в том, что объективный мир представляется неподлинным, искаженным. Формируется индивидуальный комплекс знаний, позволяющий интерпретировать прошлое, настоящее и прогнозировать будущее в соответствии с идеологией и групповыми установками [9, с. 320].

Экстремизм использует для конструирования реальности механизмы и принципы, которые разрабатывались социумом на протяжении своего развития с этой же целью. Рассмотрим, на наш взгляд, наиболее значимые.

Первые – когнитивные. Когнитивная система формирует иллюзорные представления, необходимые человеку для физического и психического здоровья: о бессмертии, разумном замысле индивидуальной жизни и символических значениях природных явлений. Они есть результат влияния социальной среды на человека. В процессе развития когнитивной системы возникли побочные (ошибочные) представления – о загробной жизни, сверхъестественных агентах и значимости социального поведения вне человеческих отношений (коммуникация со священным) [10], а в результате повторного использования – дополнительные искажения. Они получили выражение в виде религиозных этических комплексов, допускающих или пропагандирующих нетерпимость к иным мировоззренческим установкам [11].

Причина деструктивности экстремизма заключается в возникновении мотивационного дисбаланса. В нормальном состоянии происходит удовлетворение всех потребностей (биологических и психогенных) в максимально возможной степени. Экстремистское сознание все ресурсы

направляет на удовлетворение одной потребности – стремления личной значимости – в ущерб всем остальным, что сопровождается отказом от альтернатив и освобождением от необходимости соблюдать нормативные ограничения. Принципы работы когнитивной системы (приобретение и поддержание знания, избирательное внимание и торможение/подавление) используются для принятия соответствующего социального базиса знания и выполнения определенных обязанностей. Это подкрепляется экстремистской идеологией и социальным окружением (другими участниками) [12].

Вторые механизмы и принципы – бинарные оппозиции, противопоставление себя другим. Экстремисты воспринимают других как чужих, наделяя их негативными свойствами, психическими расстройствами, распространяя отрицательные качества отдельных представителей на всех людей, т. е. демонизируя их. Если чужие не принимают культурные образцы экстремистского сообщества как естественный и подлинный образ жизни, руководство в решении проблем, критикуют и указывают на неясное знание в идеологии, то они провозглашаются безумцами. Чужие не поддаются пониманию. Они физически находятся в другой реальности, «ложном» мире, ведут иной образ жизни, мешая своим жить хорошо и действовать по справедливости. Моральные убеждения своих получают статус абсолютных, и это приводит к мнению о том, что все, кто разделяет иные взгляды, морально уступают своим и к ним неприменимы гуманистические принципы. Абсолютистские убеждения о моральном превосходстве стимулируют развитие нетерпимости между различными социальными группами.

Не существует определенного чужого – есть стили чуждости, относящиеся к конкретным месту и времени. Чужое проявляется в своей внепорядковости, обнаруживается как раздражающая, атакующая и причиняющая вред сила. Опыт чужого в культуре есть событие ответа [13]. Для сохранения самости допускается применение зеркальных мер, включая насилие.

Бинарная оппозиция «свои – чужие» радикализуется, а мир разделяется на нормальный мир, включающий повседневность ближайшего окружения, и мир врагов, общение с которыми запрещено. Крайность данного отношения подкрепляется идеей нечистоты чужих, которая при контакте может передаваться, вызывая неприятие со стороны ближайшего окружения и требуя очищения. Такова, например, религиозная группа «Файзрахманисты», возглавляемая Файзрахманом Саттаровым, провозгласившим себя пророком и запретившим своим последователям общаться с внешним миром¹.

Третьи – идеализация истории и интерпретация исторических фактов с целью подтверждения уникальности и «богоизбранности» сообщества. Не только события прошлого идеализируются и воспринимаются как «золотой век», но и события будущего – оно представляется возрождением «золотого века» и/или созданием лучшего, идеального и справедливого мира, государства, общества. Руководители и организаторы героизируются, наделяются контринтуитивными свойствами (общение со сверхъестественными агентами, феноменальная память, героическая стойкость в служении), подтверждающими правильность их действий. Это свидетельствует о формировании своеобразной мифологии. Так, организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (признана террористической²) стремится возродить исламское теократическое государство (халифат) времен первых мусульман, которое считается идеальным воплощением справедливости.

Создание будущего идеального мира является утопической идеей; ее возникновение стало возможно благодаря тождеству экстремистского и утопического сознания. Утопическое мышле-

ние основывается на том, что мир должен быть другим, при этом внимание акцентируется на существующих недостатках – несправедливости и неравенстве. Чтобы экстремистские идеи и мотивы людей были востребованными, создается конкретный проект с учетом всех сфер жизни [14], который может трансформироваться и включать индивидуальные ожидания участников [15]. Наличие реальных предложений обеспечивает проекту жизнеспособность.

Четвертые механизмы и принципы – социальные ритуалы и религиозные практики. Установленные модели поведения и социальный базис знания передаются и актуализируются посредством социальных ритуалов. В зависимости от идеологической значимости и целей проведения ритуалы обладают различной эмоциональной окраской и временем совершения, определенной длительностью и степенью закрытости. Исходя из целей проведения, ритуал основывается на семантической (доктринальной) или эпизодической (эмоциональной) памяти [16]. Доктринальная память при передаче социального базиса знаний задействуется в длительных и частых ритуалах, эмоциональная – в редких практиках для наполнения определенными эмоциями и насыщенных переживаниями. Экстремистское сообщество создает единое психологическое пространство для своих участников, наделяя их схожим психологическим опытом и убеждая в истинности положений идеологии. Участники организации «Ат-Такфир Валь-Хиджра» (признана экстремистской³) проводят пятничные собрания, совершают джума-намаз обособленно от других мусульман, тем самым регулярно подкрепляя убеждения об уходе от них и создании сообщества истинных, исполняющих все предписания религии мусульман.

¹Заочным решением Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 21.02.2013 года религиозная группа «Файзрахманисты» признана экстремистской организацией. URL: https://minjust.ru/ru/nko/peredchen_zapret (дата обращения: 20.04.2020).

²Решение Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 года № ГКПИ 03-116. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 20.04.2020).

³Решение Верховного суда РФ от 15 сентября 2010 года № ГКПИ 10-848. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1697193> (дата обращения: 20.04.2020).

Пятые – оправдание и обоснование деятельности исполнением воли священного или некоего высшего замысла по установлению всеобщего блага. Религия способна распространять «диқовинные» идеи и ритуальные практики, усиливая внутригрупповое взаимодействие и межгрупповые конфликты. Мирское становится священным, которое не обсуждается [17]. Экстремистские идеологии управляют поведением, эмоциями и процессом познания участников с последующим осуществлением контроля. Они не ориентированы на решение сложных теоретических вопросов, их задача заключается в предоставлении участникам простых решений жизненных проблем при сохранении общей направленности противоправной деятельности. В них используются наиболее простые и понятные богословские положения, предоставляется максимально упрощенная их версия, игнорируется сложная аргументация. Критика других сводится к содержанию богословия, а не практики [18]. Социальные и политические процессы посредством простых предположений оказываются более понятными, а отдельный человек – значимым в этом и ином, «подлинном», мире. Идеология организации «Нурджулар» (признана экстремистской⁴) основывается на богословском

подходе к толкованию Корана С. Нурси, вся деятельность участников позиционируется как служение Махди, явившегося в виде собрания сочинений данного богослова.

Подводя итог, стоит отметить, что в исследовании религиозного экстремизма важно учитывать наличие специфической социальной реальности, сконструированной в процессе совместной организованной деятельности и воспринимаемой участниками единственно подлинной, а обществом – ложной. Действия, чувства и коммуникации экстремистов мотивируются и направляются социальным базисом знаний, содержащимся в идеологии экстремистского сообщества и передаваемым посредством ритуальных практик. Используемые обществом механизмы конструирования социальной реальности применяются экстремистскими сообществами для решения своих целей и задач.

Мы не утверждаем, что рассмотренные нами механизмы конструирования социальной реальности применительно к религиозному экстремизму являются единственно существующими. Однако они достаточно изучены и позволяют сформировать представление о деятельности экстремистов, специфике их мышления и поведения, а также разработать адекватные управленческие решения противодействия.

Список литературы

1. *van Prooijen J.-W., Kuijper S.M.H.C.* A Comparison of Extreme Religious and Political Ideologies: Similar Worldviews but Different Grievances // *Pers. Individ. Differ.* 2020. Vol. 159, art. № 109888.
2. *Тимошук Е.А.* Конструирование социальных процессов в феноменологии Питера Бергера // *Цифровой ученый: лаборатория философа.* 2019. Т. 2, № 3. С. 76–88. DOI: 10.5840/dspl20192339
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. *Бергер П.* Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 208 с.
5. О противодействии экстремисткой деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 июня 2002 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 23.03.2020).
6. *Комлев Ю.Ю.* Постмодернизм о девиантности и преступности // *Социология, философия, право в системе противодействия преступности: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Красноярск, 22 ноября 2018 года.* Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. С. 174–179.

⁴Решение Верховного суда Российской Федерации от 10.04.2008 года № ГКПИ 08. URL: <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034/> (дата обращения: 20.04.2020).

7. van Prooijen J.-W., Krouwel A.P.M. Psychological Features of Extreme Political Ideologies // *Cur. Dir. Psychol. Sci.* 2019. Vol. 28, № 2. P. 159–163.
8. Руткевич Е.Д. Питер Бергер – полвека творческого пути // *Социол. исслед.* 2011. № 1. С. 114–123.
9. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. 336 с.
10. Bering J.M. The Folk Psychology of Souls // *Behav. Brain Sci.* 2006. Vol. 29, № 5. P. 453–462.
11. Agnati L.F., Marcoli V., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The Mis-Exaptation of the Prediction Capability of Humans and Emergence of Intolerant Religious Beliefs // *Neurol. Psychiatry Brain Res.* 2017. Vol. 23. P. 43–53.
12. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive Mechanisms in Violent Extremism // *Cognition.* 2019. Vol. 188. P. 116–123.
13. Вальденфельс Б. Мотив чужого: сб. Минск: Прополис, 1999. 176 с.
14. Coates J.F. Utopia – An Obsolete Concept // *Technol. Forecast. Soc. Change.* 2016. Vol. 113, pt. A. P. 110–111.
15. Isaac R.K. Every Utopia Turns into Dystopia // *Tour. Manag.* 2015. Vol. 51. P. 329–330.
16. Vial T. Harvey Whitehouse. Arguments and Icons: Divergent Modes of Religiosity // *Religion.* 2004. Vol. 34, № 3. P. 248–250. URL: <http://docslide.net/documents/harvey-whitehouse-arguments-and-icons-divergent-modes-of-religiosity-new.html> (дата обращения: 13.12.2019).
17. Atran S., Ginges J. Religious and Sacred Imperatives in Human Conflict // *Science.* 2012. Vol. 336, № 6083. P. 855–857.
18. Brandt M.J., van Tongeren D.R. People Both High and Low on Religious Fundamentalism Are Prejudiced Towards Dissimilar Groups // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2017. Vol. 112, № 1. P. 76–97.

References

1. van Prooijen J.-W., Kuijper S.M.H.C. A Comparison of Extreme Religious and Political Ideologies: Similar Worldviews but Different Grievances. *Pers. Individ. Differ.*, 2020, vol. 159. Art. no. 109888.
2. Timoshchuk E.A. Konstruirovaniye sotsial'nykh protsessov v fenomenologii Pitera Bergera [Construction of Social Processes in Peter Berger's Phenomenology]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa*, 2019, vol. 2, no. 3, pp. 76–88. DOI: 10.5840/dspl20192339
3. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York, 1966. 219 p. (Russ. ed.: Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, 1995. 323 p.).
4. Berger P. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. New York, 2011. 470 p. (Russ. ed.: Berger P. *Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoy teorii religii*. Moscow, 2019. 208 p.).
5. *On Countering Extremist Activity: Federal Law of the Russian Federation No. 114-FZ of July 25, 2002*. Available at: <https://base.garant.ru/12127578/> (accessed: 23 March 2020) (in Russ.).
6. Komlev Yu.Yu. Postmodernizm o deviantnosti i prestupnosti [Postmodernism on Deviance and Crime]. *Sotsiologiya, filosofiya, pravo v sisteme protivodeystviya prestupnosti* [Sociology, Philosophy, and Law in the System of Combating Crime]. Krasnoyarsk, 2018, pp. 174–179.
7. van Prooijen J.-W., Krouwel A.P.M. Psychological Features of Extreme Political Ideologies. *Curr. Dir. Psychol. Sci.*, 2019, vol. 28, no. 2, pp. 159–163.
8. Rutkevich E.D. Peter Berger – polveka tvorcheskogo puti [Peter Berger: Half a Century of Creative Development]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2011, no. 1, pp. 114–123.
9. Schütz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology]. Moscow, 2003. 336 p.
10. Bering J.M. The Folk Psychology of Souls. *Behav. Brain Sci.*, 2006, vol. 29, no. 5, pp. 453–462.
11. Agnati L.F., Marcoli V., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The Mis-Exaptation of the Prediction Capability of Humans and Emergence of Intolerant Religious Beliefs. *Neurol. Psychiatry Brain Res.*, 2017, vol. 23, pp. 43–53.
12. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive Mechanisms in Violent Extremism. *Cognition*, 2019, vol. 188, pp. 116–123.
13. Waldenfels B. *Motiv chuzhogo* [The Motif of the Alien]. Minsk, 1999. 176 p.
14. Coates J.F. Utopia – An Obsolete Concept. *Technol. Forecast. Soc. Change*, 2016, vol. 113, pt. A, pp. 110–111.
15. Isaac R.K. Every Utopia Turns into Dystopia. *Tour. Manag.*, 2015, vol. 51, pp. 329–330.

16. Vial T. Harvey Whitehouse. Arguments and Icons: Divergent Modes of Religiosity. *Religion*, 2004, vol. 34, no. 3, pp. 248–250. Available at: <http://docslide.net/documents/harvey-whitehouse-arguments-and-icons-divergent-modes-of-religiosity-new.html> (accessed: 13 December 2019).

17. Atran S., Ginges J. Religious and Sacred Imperatives in Human Conflict. *Science*, 2012, vol. 336, no. 6083, pp. 855–857.

18. Brandt M.J., van Tongeren D.R. People Both High and Low on Religious Fundamentalism Are Prejudiced Towards Dissimilar Groups. *J. Pers. Soc. Psychol.*, 2017, vol. 112, no. 1, pp. 76–97.

DOI: 10.37482/2227-6564-V054

Tat'yana V. Izluchenko

Siberian Federal University;

prosp. Svobodnyy 79, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X> e-mail: izluchenko@mail.ru

THE MECHANISMS OF SOCIAL CONSTRUCTION OF REALITY IN RELIGIOUS EXTREMISM: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

This paper studies the social construction of reality in religious extremism. The daily life of extremists is viewed here as an alternative social reality, which is opposed to objective reality and portrayed by the ideologists as the only right one. The methodology of the research is based on Peter Berger's phenomenological theory of world construction by numerous transcendental subjects. The daily life of extremists is regulated by the social order established in the extremist community, which is ensured by specific attitudes, preferences, conventions, values, and knowledge systems that are contained in their ideology. An important result of the study is the characterization of the social construction mechanisms according to the extremist worldview. Cognitive biases and assertion of personal significance contribute to a positive perception of the ideology and an active participation in extremist activities, while the "Us vs Them" opposition leads to the polarization of views and fewer external contacts, as well as forms a positive image of "Us" while ignoring their negative qualities and hyperbolizing the negative qualities of "Them". The idealization of history and the heroization of individual participants in this movement form false notions of justice and of the possibility of creating an ideal state system, thereby motivating extremists to commit unlawful acts, including violent ones. Thinking models are adjusted to conform to the ideology, new patterns of behaviour are established through social actions and ritual practices. Illegal extremist activity is presented as following the will of the higher forces, thus acquiring the status of a sacred duty to establish the common good and fight against the universal evil. These mechanisms are characteristic of various types of extremism (national, political). Religion acts as an element reinforcing ideological content and allowing extremist communities to project ultimate meanings onto objective reality, endowing it with a given meaning.

Keywords: social reality, religious extremism, Peter Berger, extremist ideology.

Поступила: 15.05.2020

Принята: 17.10.2020

Received: 15 May 2020

Accepted: 17 October 2020

For citation: Izluchenko T.V. The Mechanisms of Social Construction of Reality in Religious Extremism: A Socio-Philosophical Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 5, pp. 106–113. DOI: 10.37482/2227-6564-V054